

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Антипин К.С. Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пущино 1950–1980-х годов // Философия и культура. 2024. № 6. С. 11-37. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.6.70744 EDN: EDIBIJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70744

Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пущино 1950–1980-х годов

Антипин Константин Сергеевич

ORCID: 0000-0002-7701-4422

аспирант, кафедра истории отечественного искусства; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

109386, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27к4

✉ P2beep@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.6.70744

EDN:

EDIBIJ

Дата направления статьи в редакцию:

14-05-2024

Дата публикации:

02-06-2024

Аннотация: Объектом данного исследования являются архитектурные и градостроительные проекты научного городка Пущино Академии наук СССР, разработанные во второй половине XX века. Предмет исследования, рассмотрению которого посвящена статья, – высотные акценты, предусмотренные в генеральных планах 1950–1980-х годов. Хотя ни один из них не был воплощен в жизнь, они представляли собой значимую часть градостроительных концепций, играя организующую роль в композициях застройки разных лет. Так что эти, в конечном счете, «бумажные» проекты оказали влияние на формирование вполне реального архитектурного ансамбля города. Конкретные изменения творческих замыслов соотносятся с кадровыми перестановками внутри разрабатывавшего проекты Пущино института ГИПРОНИИ АН

СССР. Динамика и направление архитектурных поисков рассматривается в широком контексте истории советской архитектуры и сопоставляется с общемировыми процессами и позициями теоретиков архитектуры и философов. В исследовании применяется формальный и сравнительный анализ планировочных и архитектурных проектов. В основе структуры работы лежит хронологическое изложение: ход творческого процесса разделяется на периоды, которые, с одной стороны, отталкиваются от предмета исследования, но в то же время соотносятся с общим историко-архитектурным и философско-теоретическим контекстом эпохи. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе и систематизации множества градостроительных и архитектурных проектов, собранных в ходе обширных изысканий в государственных и личных архивах. Это позволило впервые рассмотреть работу архитекторов над планировочными проектами Пущино как динамический процесс, выявляя изменения, происходившие на каждом из его этапов. Через анализ развития идей «бумажных» доминант, кочующих из проекта в проект, были прослежены изменения глобальных градостроительных концепций города. Таким образом, статья предлагает взгляд на широкую тему развития градостроительных замыслов Пущино через призму относительно узкого вопроса высотных акцентов, а также открывает путь к исследованию других аспектов процесса и постепенному формированию более полного и глубокого его понимания.

Ключевые слова:

Пущино, академгородок, ГИПРОНИИ, Академия наук СССР, генеральный план, советская архитектура, архитектура XX века, градостроительство, неосуществленные проекты, архивные исследования

Введение

Пущино — первый спроектированный обособленно от существующих населенных пунктов научный городок АН СССР. С самого начала задуманный как город с заложенной в первую схему генплана 1956 г. перспективой роста населения до десятков тысяч жителей, Пущино продолжал активно проектироваться на протяжении последующих десятилетий. Намеченные контуры микрорайонов в генпланах разных лет двигались и заполнялись застройкой в духе изменявшихся тенденций и растущих возможностей архитектурно-строительной отрасли, а также в соответствии с творческими замыслами сменявших друг друга авторских коллективов.

История градостроительного проектирования Пущино до сих пор остается практически не изученной: в основном исследователи рассматривают существующую архитектуру города как плод реализации единовременного замысла, хоть и корректировавшегося с годами [1; 2], так что не предпринимают попыток анализа динамики его планировочных проектов. В то же время, несмотря на относительно скромную величину города, тема его генпланов оказывается тем шире и многоплановее, чем глубже в нее погружаешься. Поэтому результат даже внимательного и скрупулезного исследования, не сосредоточенного на каком-то отдельном аспекте, рискует не возыметь большой научной ценности. В данной статье в качестве такого аспекта выступают высотные доминанты: рассматриваются их роль и положение в проектах застройки города разных лет. Каждый из замыслов анализируется с целью ответов на вопросы: какую функцию несет и какой объемной формой обладает акцентный объект, а также как его положение и масштаб соотносится с окружающей архитектурной средой. С одной стороны, изменения

концепций может быть объяснено сменой авторских коллективов, поэтому в данной работе они соотносятся с историей кадровых перестановок внутри занимавшегося проектированием Пущино института. С другой, рассмотрение проектов в динамике позволяет наблюдать процесс трансформации функций и образов, а также изменения среды и положения доминанты в ней. Это позволяет обратить внимание уже на общее направление поисков и соотнести их с более глобальными тенденциями в истории советской архитектуры, а также общемировыми процессами, осмыслявшимися теоретиками архитектуры и философами.

В исследовании применяется формальный и сравнительный анализ планировочных и архитектурных проектов. В основе структуры работы лежит хронологическое изложение: ход творческого процесса разделяется на периоды, которые, с одной стороны, отталкиваются от предмета исследования, но в то же время соотносятся с общим историко-архитектурным и философско-теоретическим контекстом эпохи. Хотя предметом исследования являются заведомо не построенные объекты, это не отменяет важности вопроса, поскольку они были частью больших замыслов, некоторые фрагменты которых все же реализовывались и формировали архитектурный ансамбль города. Таким образом через рассмотрение оставшихся на бумаге идей можно глубже и лучше понять существующую застройку Пущино. В статье практически не рассматриваются причины, влиявшие на темп строительства города. Почти для каждого конкретного момента справедливо говорить о значительном его отставании от ожиданий архитекторов и заказчика в лице Академии наук. Высотные доминанты, как правило, не входили в число объектов первой очереди строительства, и их возведение всегда относилось на некоторую постоянно удаляющуюся «перспективу».

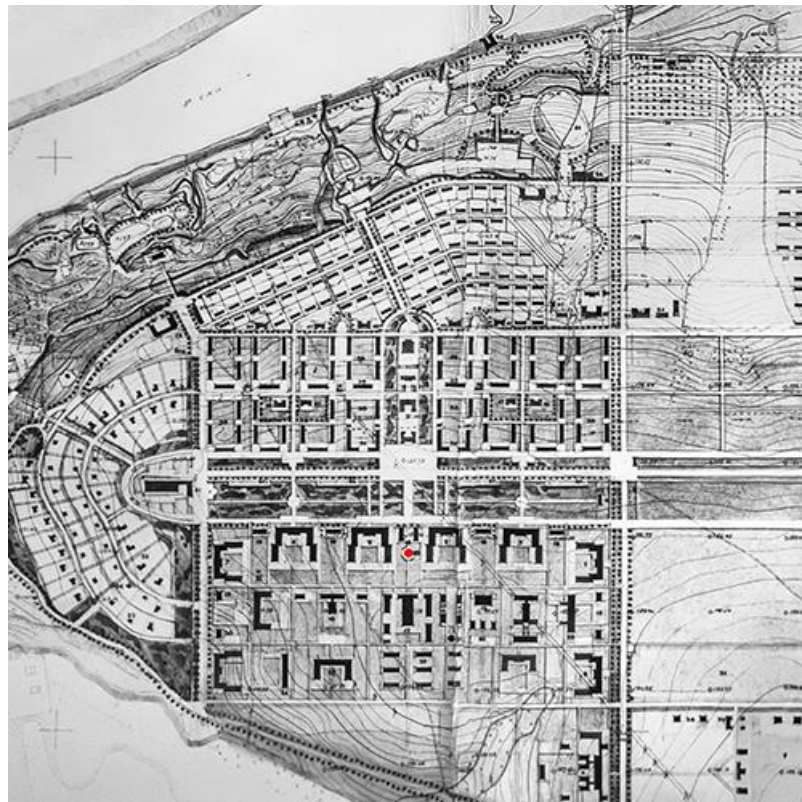
В основе исследования лежит работа по поиску, анализу и систематизации десятков версий генпланов Пущино разных лет. Отправной точкой для нее послужили публикации и издания ГИПРОНИИ (Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов и лабораторий) АН СССР, занимавшегося комплексным проектированием Пущино. Однако градостроительные проекты в советское время практически не публиковались, так что основными источниками найденных документов являются Центральный государственный архив Московской области, Архив РАН и фонды Пущинского музея экологии и краеведения, но кроме них большой объем проектных материалов был найден в семьях архитекторов — в первую очередь ценен архив пущинского архитектора В.С. Воронежского. Анализ проектов вместе с изучением переписки руководства АН СССР с органами власти разных уровней, а также принимавшихся ими решений и постановлений, позволил установить датировки и авторов некоторых неатрибутированных проектов.

Одинокая вертикаль над плоским городом

Проектирование Пущино весной 1956 г. было поручено коллективу архитекторов ГИПРОНИИ АН СССР: Л.И. Баталову, А.П. Голубеву и А.Г. Бархиной. В основе генерального плана легла идея параллельного расположения производственной, зеленой (санитарно-защитная), жилой и рекреационной зон. Аналогичную «поточно-функциональную» схему города еще в 1930 г. предложил Н.А. Милютин [\[3, с. 28-29\]](#): благодаря такому решению зоны при необходимости могли развиваться в продольном направлении, не препятствуя друг другу. Выбранный для строительства Пущино участок представлял собой высокий берег Оки, ограниченный с юго-запада оврагом, а с юго-востока — территорией радиофизической станции ФИАН, не позволяющими развивать застройку в эти стороны. В силу этих особенностей научный городок сразу получил не

буквально линейную, но лучевую структуру с заданными началом и направлением будущего роста на восток.

Уникальной особенностью пущинского комплекса научных институтов среди других подмосковных научных центров является включенность его фасада в архитектурную среду города. Главный въезд в город предполагалось организовать с юга — сквозь зону НИИ вдоль территории станции ФИАН. Изолированный от транзитного движения транспорта западный край города получил камерное решение: склон оврага архитекторы решили застроить четырьмя дугообразными рядами коттеджей, concentрически огибающими дом ученых. Участок последнего замыкал полосу санитарно-защитной (или зеленой) зоны, разделявшей жилую и научную части городка, то есть был началом «луча», но при этом само здание, одно из немногих, разрешенных для индивидуального проектирования, оказывалось вне створов всех улиц и пешеходных аллей, из-за чего не просматривалось бы издали.

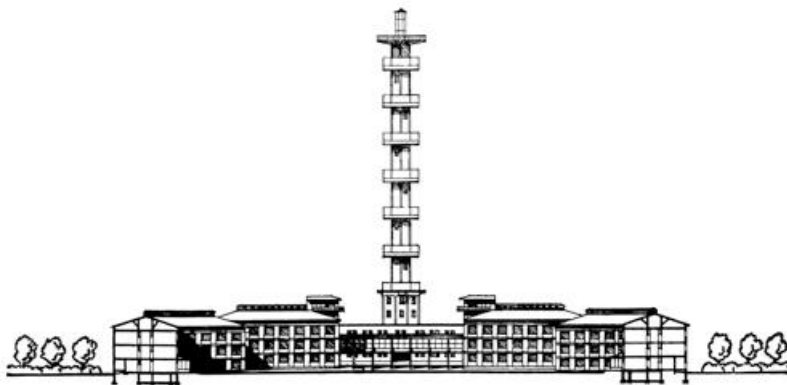

Илл. 1. Схема генерального плана Пущино, сентябрь 1956 г. (положение водонапорной башни выделено красным) [АРАН (Архив РАН). Ф. 2. Оп. 6м. Д. 171. Л. 16].

Работа над первым проектом Пущино (Илл. 1) пришлось на один из самых сложных для советских архитекторов периодов — сразу после принятия постановления «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения: 25.05.2022)]. Привыкшие организовывать городскую застройку кварталами с периметральной застройкой из домов с разной формой плана, теперь они были вынуждены использовать лишь простейшие прямые секционные дома и по возможности минимизировать применение тех из них, что были рассчитаны на неудобную с точки зрения инсоляции широтную ориентацию [4, с. 110]. Таким образом ядро городской застройки, южной половиной которого была научная зона с рядом однотипных трехэтажных зданий НИИ, продолжалось за зеленой зоной двумя рядами П-образно поставленных групп 3-4-этажных многоквартирных домов [АРАН. Ф. 2. Оп. 6м. Д. 171. Л. 10] с открытыми в сторону реки дворами. Это решение во многом напоминает строчную

застройку, родившуюся в середине 1920-х гг. в Германии и внедренную в советскую градостроительную практику при строительстве соцгородов первых пятилеток [5]. В середине селитебная часть делилась по центру площадью с группой небольших общественных зданий: Домом Советов, Домом связи и АТС, универмагом и клубом-кино. На оси площади, перпендикулярной направлению городской структуры, был сделан просвет в лесопосадках зеленой зоны, через который открывалась перспектива на стоящую в зоне НИИ между двух зданий институтов водонапорную башню — единственный высотный акцент городка.

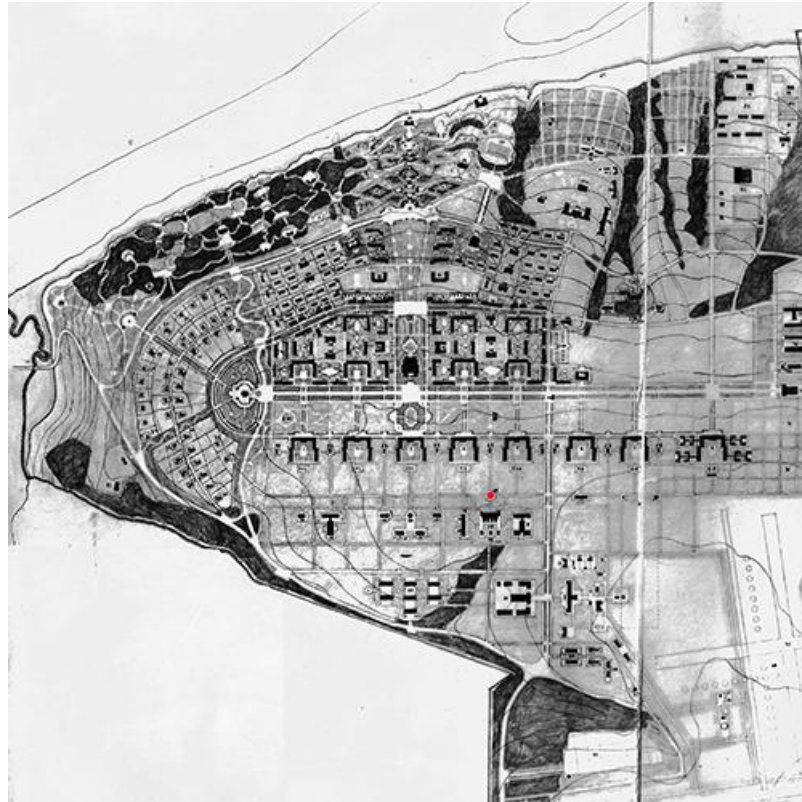
Симметрические композиции и замыкание перспектив высотными или иными акцентами — характерные приемы послевоенного советского градостроительства, продолжавшие использоваться архитекторами и во второй половине 1950-х гг. На полгода раньше, чем Пущино — в начале 1956 г. под руководством того же Л.И. Баталова был разработан проект Института радиотехники и электроники во Фрязино [6], где также в симметричной перспективе, образованной типовыми лабораторными корпусами института, возвышалась 70-метровая башня (Илл. 2). Как и в Пущино, она там построена не была, однако спустя несколько лет перешедший из ГИПРОНИИ в мастерскую № 7 Моспроекта Л.И. Баталов стал главным архитектором проекта Останкинской телебашни [7, с. 68].

Илл. 2. Проект Института радиотехники и электроники во Фрязино, поперечный разрез по центральному двору, 1956 г. [Баталов Л.И. Научно-исследовательский институт строится по типовому проекту // Архитектура СССР. 1957. № 5. С. 29].

В процессе экспертизы в Госстрое СССР проект в ответ на замечания был скорректирован. К авторскому коллективу присоединился А.И. Попов-Шаман [Распоряжение № 14 от 20.11.1956 г. по ГИПРОНИИ Академии наук СССР // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11427547> (дата обращения: 30.04.2024)], назначенный главным архитектором данного проекта. Вторая версия схемы генплана (Илл. 3) получила более органические очертания при сохранении и усилении жесткости линейной структуры параллельного зонирования. Хотя застройка кварталов по-прежнему формировалась из секционных домов с прямоугольным планом, в новом проекте они стали блокироваться в Г- и П-образные композиции. Благодаря этому вдоль главной улицы, позднее получившей название проспекта Науки, жилые дома образовали партеры на осях зданий институтов, которые теперь были расставлены в одну линию вдоль зеленой зоны.

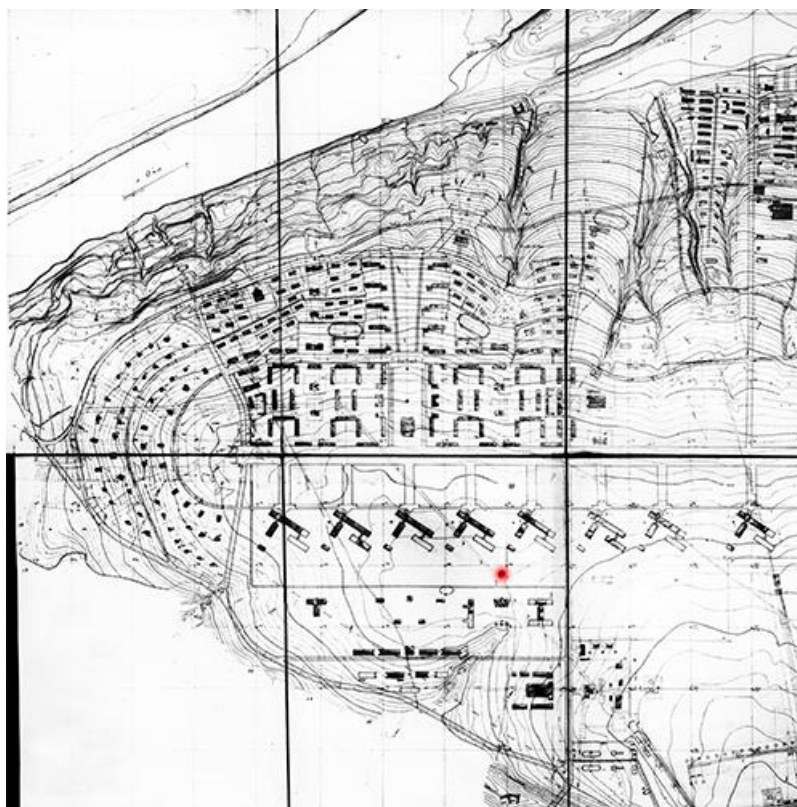
Илл. 3. Схема генерального плана Пушино, декабрь 1956 — май 1957 гг.
(положение водонапорной башни выделено красным) [ПМ (Пушинский музей экологии и краеведения) 3563/1 НВ].

Изменилась трассировка улиц: по мере отдаления от «креста» зеленой зоны и центральной площади они получили большую увязку с рельефом, отступая от ортогональной сетки. С одной стороны, из-за этого стала менее строгой симметрия планировки кварталов жилой зоны относительно оси центральной площади. Но зато теперь эта ось, ранее упиравшаяся в зону двухэтажных домов на склоне берега Оки, имела продолжение до самой реки, включая в симметрическую композицию все планировочные зоны городка. На севере она заканчивалась парадной лестницей и речным вокзалом, а на юге из-за перекомпоновки научной зоны теперь замыкалась не водонапорной башней, а фасадом одного из институтов.

Распределение ключевых городских объектов изменилось: ранее стоявшие на оси центральной площади здания теперь стали организовывать фронт ее периметра, уступив место в центре дому ученых. Высотность жилой застройки в целом увеличилась: от трехэтажных домов полностью отказались в пользу четырехэтажных, а спускающийся к реке бульвар и вовсе фланкировали секциями в шесть этажей [АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 48]. Таким образом визуальный коридор от дома ученых в сторону Оки обрамлялся ритмом высотных акцентов. Прежнее его место в западной части городка у начала зеленой зоны занял сквер с неясного назначения объектом, расположенном в створе сразу нескольких сходящихся к нему аллей и улиц, включая главную — проспект Науки. Вероятно, архитекторы задумали разместить в этом месте некий монумент вроде обелиска, который бы не выделялся размерами и высотой, но организовывал пространство вокруг и логично замыкал перспективу города-луча, хотя скорее давал ей начало.

Хоть и смещенная с оси центральной площади, водонапорная башня, кажется, не потеряла своей доминантной роли в городской застройке. Сдвинутая на юго-восток, она снова оказалась в одном из просветов между зданиями институтов, но одновременно

должна была просматриваться со стороны въезда в город.

Илл. 4. Схема генерального плана Пущино, 1960 г. (положение водонапорной башни выделено красным)

[ЦГАМО (Центральный государственный архив Московской области). Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 461. Л. 52].

В таком виде 11 мая 1957 г. Госстрой одобрил проектное задание на строительство городка с рядом замечаний [АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 27–40], внести которые следовало на следующих стадиях проектирования. Но одновременно строительство Пущино оказалось отложено «в связи с необходимостью сосредоточить материальные и денежные ресурсы на строительстве научного городка в Сибири» [АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 75], решение о создании которого было принято тогда же, в мае 1957 г. [Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1957 г. № 564 «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» // URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/sbras50/03.ssi> (дата обращения: 25.04.2024)]. Следующая версия схемы (Илл. 4) генплана была создана в 1960 г. в мастерской № 2 ГИПРОНИИ А.И. Поповым-Шаманом вместе с Д.А. Метаньевым и Н.М. Филипповской. В основном изменения заключались в актуализации применяемых типовых проектов. Кварталы четырехэтажных домов при сохранении общей конфигурации были выпрямлены, вновь обретая симметрию, заложенную еще в первой версии генплана (Илл. 1). Хотя спрямление улиц шло вразрез с указаниями Госстроя по их увязке с рельефом, обусловившими нелинейную трассировку в предыдущем проекте, архитекторы компенсировали это решение отказом от требовавшего значительных земляных работ строительства жилья на месте оврага в северо-восточной части городка. В целом же проект сохранял преемственность предыдущей версии генплана: система перспектив и место доминант в нем остались прежними — положение водонапорной башни не изменилось.

От домов с башней к дому-башне

К началу 1960-х гг. архитекторы мастерской № 2 ГИПРОНИИ избавились от до сих пор

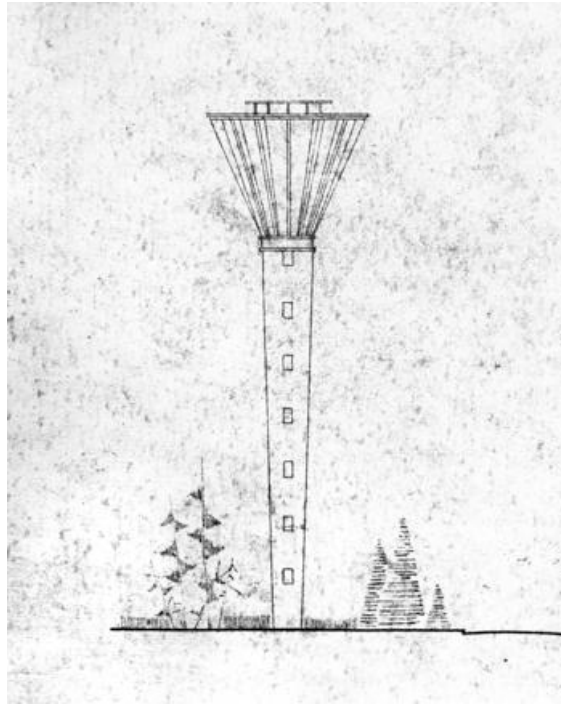
тянувшегося за ними шлейфа градостроительных идей 1930–1950-х гг. В планировке селитебной части радикально переработанной схемы генплана 1961 г. (Илл. 5) утвердился микрорайонный принцип застройки: границы кварталов расширились таким образом, чтобы внутри каждого из них оказался расположен весь необходимый набор инфраструктуры (школы, детские сады, магазины, культурное и бытовое обслуживание). Ушли архитекторы и от периметральной постановки домов, перейдя к свободному плану. Ориентация домов теперь в еще большей степени диктовалась требованиями инсоляции и уменьшения земляных работ. На участке, ранее полностью отводившемся под коттеджную застройку, был обозначен микрорайон А. Коттеджи заняли примерно четверть его площади, остальная территория была отдана под многоквартирные дома и учреждения обслуживания.

Илл. 5. Схема генерального плана Пушкино, 1961 г. [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 671. Л. 97].

Симметрия, очевидно, перестала играть столь важную роль в композиции городка. Архитекторы отказались от строгости обозначения оси центральной площади, и теперь бульвар, ведущий от нее в сторону Оки, получил небольшой изгиб в направлении запада. Благодаря этому контур огибаемого бульваром микрорайона Б получил некоторую округлость, симметрично уравновешивавшую округлый контур микрорайона А. В каком-то смысле роль оси симметрии, которую раньше имела центральная площадь, теперь перешла к проезду, ведущему от начала зеленой зоны в сторону расположенной на склоне реки старинной усадьбы Пушкино-на-Оке с комплексом главного дома и парком с каскадом прудов. Это решение можно назвать символической данью истории места: архитектурный ансамбль усадьбы, давшей имя научному городку, встраивался в систему его пространственных композиций.

Илл. 6. Водонапорная башня. Фрагмент развертки проекта застройки Пущино по проспекту Науки, 1961 г.

[ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 671. Л. 100].

Говоря о доминантах, стоит сказать, что в этом проекте постановка объектов на ответственных участках впервые выглядит наиболее осмысленной. Начало проспекта Науки теперь было обозначено перекрестком с круговым движением, в центре которого разместились водонапорная башня (Илл. 6). 60-метровое сооружение [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 918. Л. 17] в виде двух поставленных друг на друга расширяющихся кверху усеченных конусов должно было быть видно из многих точек городка. Главный въезд в Пущино, который ранее предполагалось организовать с юга вдоль территории ФИАН, к этому моменту решили перенести в западную часть городка: во-первых, активное движение вблизи радиофизической обсерватории мешало исследованиям, а во-вторых, у западного въезда архитекторы расположили комплекс больницы, рассчитанной на обслуживание окружающего научный городок района. Таким образом башня должна была стать своеобразным маяком, который просматривался со стороны въезда в город, на протяжении всего проспекта Науки, а также с оси симметрии усадьбы, по которой был проложен проезд между микрорайонами А и Б.

Хотя в основном застройка городка все также оставалась четырехэтажной, к началу 1960-х гг. у архитекторов появилась возможность включать в нее небольшое число домов большей высоты. Вертикаль водонапорной башни, по их замыслу, должна была быть поддержана расположенной за ней в микрорайоне А группой из шести девятиэтажных одноподъездных жилых домов. Имея вдвое меньшую высоту, они не конкурировали с самой башней, но обозначали ее связь с силуэтом города за счет его небольшого смягчения.

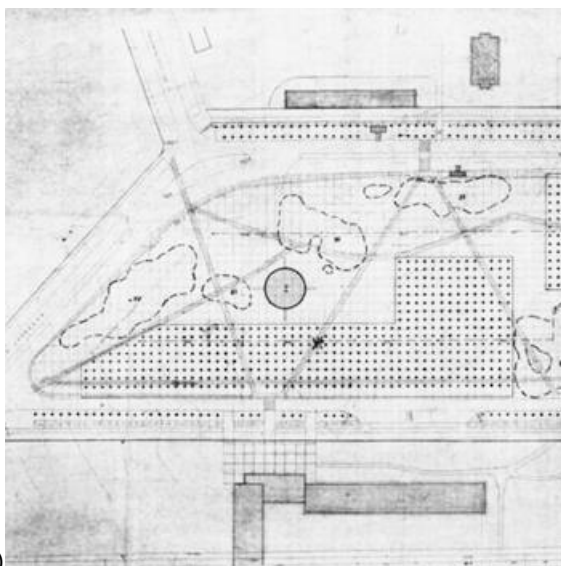
В эскизе застройки 1962–1963 гг., развивающем идеи, заложенные в схему генплана, архитекторы шагнули на территории, ранее обозначаемые как резервные (Илл. 7). Увеличилось количество и разнообразие применяемых типов жилых домов повышенной этажности. Направление въезда в город было скорректировано таким образом, что территория больницы была отрезана им от микрорайона А, а его фронт на участке до водонапорной башни теперь оформляли дома-«трилистники». Сама водонапорная башня,

насколько можно судить по макету, стала еще выше, а ее образ был переработан: бак теперь покоился на трех пилонах, перевязанных кольцами на середине и трех четвертях высоты.

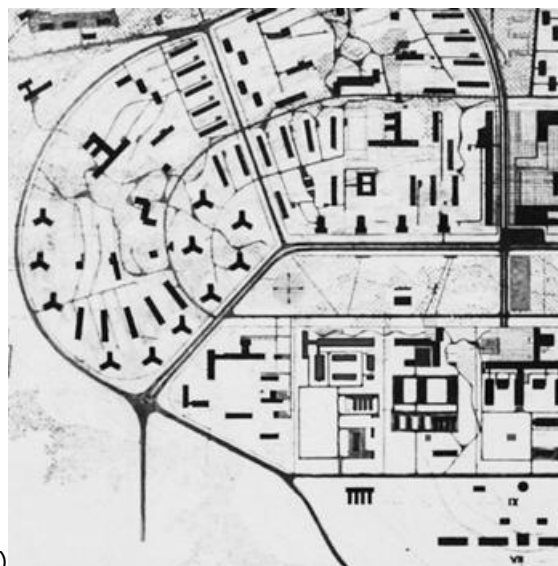

Илл. 7. Макет застройки научного городка Пущино, 1962-1963 гг.

Но уже в том же 1963 г. архитекторы при разработке проектных заданий на строительство улиц в Пущино [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 920] отказались от кругового движения, в центре которого до этого размещалась водонапорная башня. Смещенная в зеленую зону, она оказалась вне осей всех трех улиц, в створах которой стояла ранее. По какой-то причине архитекторы не оставили башню даже на оси проезда между микрорайонами, ведущего к усадьбе: на плане улиц 1963 г. (Илл. 8а) она стоит чуть восточнее, а на обновленном позднее эскизе застройки городка (Илл. 8б) — чуть западнее. Таким образом ее значение как доминанты в этих проектах уже не столь однозначно.

а)

б)

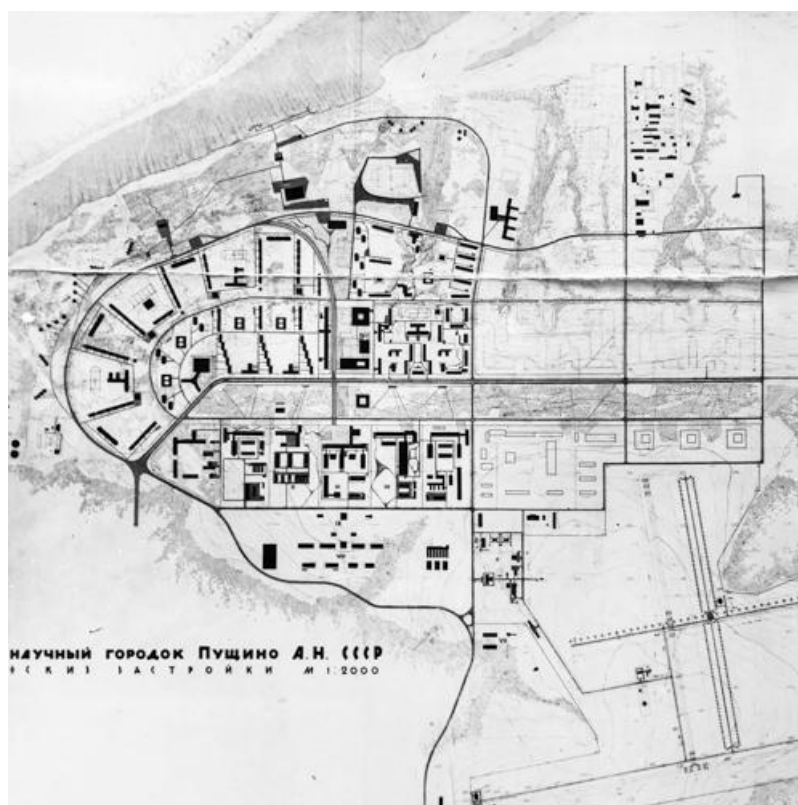
Илл. 8. а) План улиц и зеленой зоны с проектом благоустройства и озеленения, 1963 г.

[ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 919. Л. 31];

б) Эскиз застройки Пушино, 1964 г. [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1014. Л. 54].

В тот момент — на рубеже 1962–1963 гг. и вплоть до 1964 г. — внутри ГИПРОНИИ происходили частые и значительные кадровые перестановки: занимавший должность главного архитектора мастерской типового и перспективного проектирования Ю.П. Платонов в 1962 г. перешел на аналогичное место в мастерской № 2 [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 918. Л. 1], которая все предыдущие годы занималась проектированием Пушино. Б.А. Савельев, который возглавлял мастерскую, где ранее работал Ю.П. Платонов, стал руководить мастерской № 4 [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 668. Л. 2]. В это время часть проектов для Пушино начала выполняться параллельно с мастерской № 2 в мастерской № 4 [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 668. Л. 2]. А в 1964 г. Ю.П. Платонов оказался на должности главного архитектора мастерской № 4 — и к этому моменту проектирование Пушино перешло в нее полностью. Уже вскоре в том же 1964 г. Ю.П. Платонов и Б.А. Савельев перешли в руководство ГИПРОНИИ на должности главного архитектора и директора (вначале и.о.) института соответственно [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905. Л. 1]. Их места в мастерской заняли ее бывший главный инженер М.А. Филянд (вначале как и.о. руководителя) и архитектор В.М. Коган [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1087. Л. 2]. В результате к тому моменту в обширном авторском коллективе, выполнявшем проекты для Пушино, не осталось тех, кто работал над городком до 1961 г., когда под руководством А.И. Попова-Шамана водонапорную башню задумали поставить внутри круга у начала проспекта Науки.

В подобных обстоятельствах сложно однозначно судить о персональном авторстве тех или иных решений, но в целом описанный процесс должен был способствовать отказу от прежних замыслов, и по динамике изменений в проектах 1962–1964 гг. видно, как назревала очередная радикальная переработка концепции всей застройки, в результате которой от строительства водонапорной башни отказались вовсе.

Илл. 9. Эскиз застройки Пушино, 1964 г. [семейный архив Воронежских].

Новый проект (Илл. 9), выполненный в 1964 г. в мастерской № 4 под руководством Ю.П. Платонова сосредоточился на микрорайонах А, Б и В. К середине 1960-х гг. строительство последнего подходило к завершению, и вскоре нужно было приступить к освоению территории первых двух. Важнейшим структурным изменением стало их объединение в один укрупненный микрорайон — АБ. Вероятнее всего основным фактором, сыгравшим роль в принятии такого решения, стало желание оптимизировать систему обслуживания: микрорайон Б находился между общегородским центром и центром микрорайона А. Для достижения нормативов мощность последнего была увеличена. Однако по «Правилам и нормам планировки и застройки городов» комплекс жилых домов не должен был быть отрезан от учреждений культурно-бытового обслуживания, удовлетворяющих каждодневные потребности населения [8, с. 86]. Поэтому улицу, которая бы препятствовала попаданию жителей к инфраструктуре своего микрорайона, пришлось ликвидировать. И если ранее Т-образный перекресток у ее начала был обозначен круговым движением, то теперь въезд в город непрерывно переходил в проспект Науки. Вместе с улицей исчезла и обозначаемая ею ось симметрии старинной усадьбы — вид на нее от зеленой зоны теперь перекрывали девятиэтажные одноподъездные дома.

Отказавшись от строительства самостоятельной водонапорной башни, архитекторы расположили на оси проспекта Науки «18-20-этажный жилой дом “трехлистник” с техническими этажами для размещения городских водонапорных резервуаров» [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1023. Л. 11]. Таким образом этот объект, для которого планировалось разработать индивидуальный проект, вбирал в себя функции и образные решения стоящих ранее на этом месте водонапорной башни и одноподъездных домов-«трилистников». С некоторыми корректировками, не касающимися описанных решений, этот эскиз застройки был в 1964 г. утвержден Государственным Комитетом по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1023. Л. 6–8]. Помимо прочего, комитет дал добро на разработку индивидуального проекта высотного дома-«трехлистника» [ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1023. Л. 23, 25]. Вплоть до начала 1970-х гг. проект продолжал корректироваться при неизменности сохранения общей концепции. Во второй половине 1960-х гг. часть проектов для Пущино стала выполняться силами созданной в научном центре проектной группы. Она находилась в подчинении мастерской № 4, главным архитектором которой на этом этапе был В.М. Коган. Руководитель пущинской группы Е.А. Архипов и другие работавшие под его началом архитекторы, помимо авторского надзора за строительством и работы по привязке типовых проектов, постепенно принимали все большее творческое участие в проектировании города. Ориентация дома-«трехлистника» на этом этапе была изменена таким образом, что направление двух его «лучей» оказалось сонаправлено проспекту Науки (Илл. 10).

Илл. 10. Макет застройки Пущино, конец 1960-х гг. [архив А.В. Гнедовской].

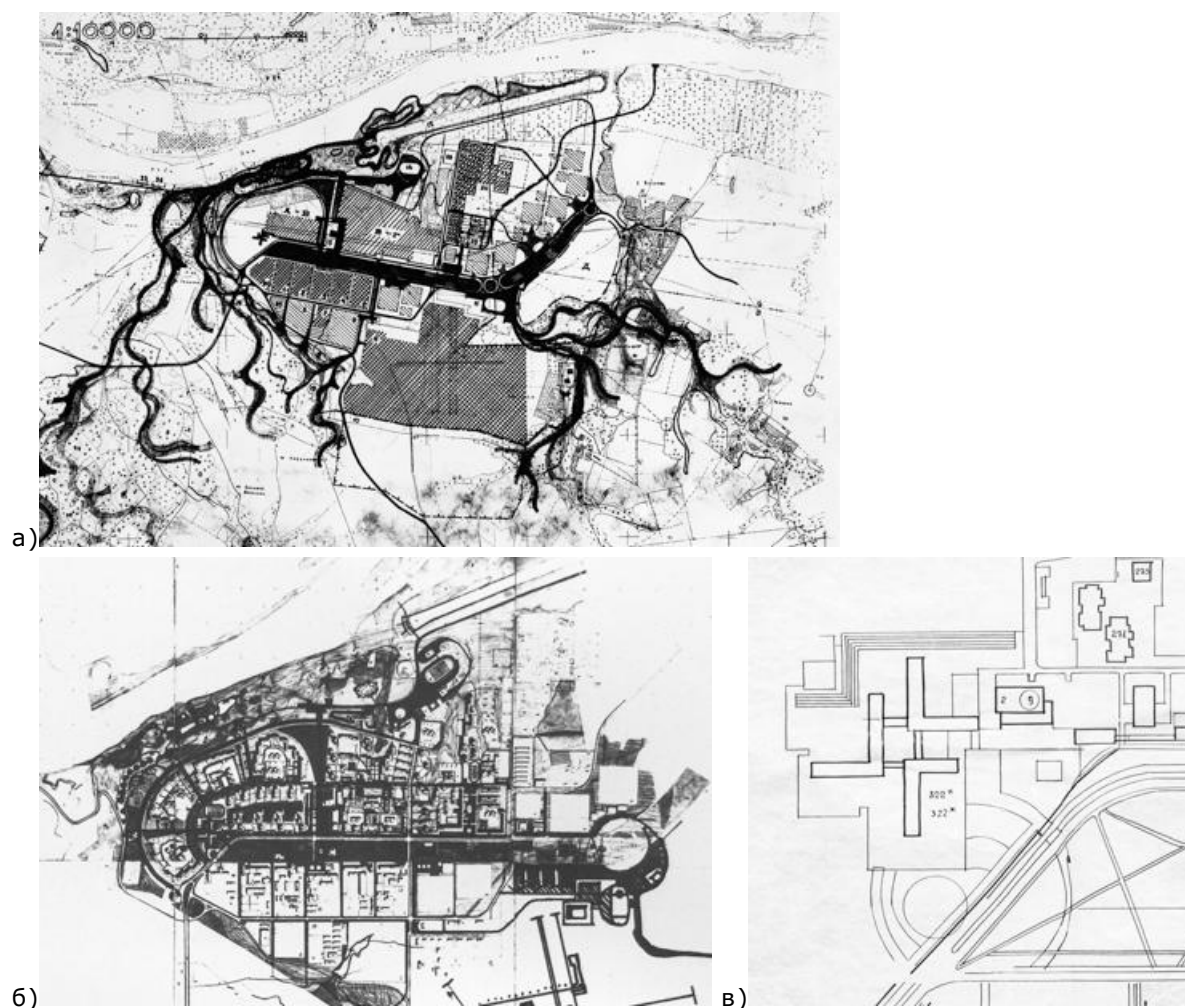
В остальной застройке нового микрорайона АБ архитекторы окончательно ушли от применения типовых 3-секционных четырехэтажек, которые были характерной и чуть ли не единственной градостроительной единицей в проектах начала 1960-х гг. Авторы нового проекта осмелились поставить протяженные четырехэтажные дома поперек холма так, что они спускались с него ступенями-секциями. Из ранее раздробленной на множество свободно стоящих объемов жилой застройки постепенно стали вырисовываться контуры дворов, обращенных в сторону реки, как в самой первой версии схемы генплана 1956 г.

«Кремль, венчающий высокий холм» — усложнение объемно-пространственной композиции Пущино

К началу 1970-х гг. ГИПРОНИИ заработал репутацию «элитного» и «неприкосновенного» проектного института [\[9, с. 26, 39\]](#), в котором у архитекторов были реальные возможности для реализации творческого потенциала. Действительно, связка в виде подчиненных одному ведомству-заказчику проектной и строительной организаций, способных своими силами создавать города, была кроме Академии наук, пожалуй, только у Министерства среднего машиностроения, однако работы его проектных организаций, несмотря на их высочайшее по советским меркам качество и степень реализации, в основном были засекречены [\[10, с. 185-187; 11\]](#).

Поэтому наряду с московскими мастерскими ГИПРОНИИ талантливых архитекторов привлекала работа и в проектных группах в подмосковных научных центрах: Пущино, а также нынешних Черноголовке и Троицке [\[12, с. 101\]](#). С годами пущинская проектная группа мастерской № 4 занималась все более широким спектром задач, и в результате в начале 1970-х гг. на ее основе была сформирована самостоятельная мастерская № 9. В ней стали разрабатываться уже не только проекты отдельных объектов, но и все новые генпланы. Ключевая роль в этой деятельности принадлежит В.С. Воронезскому, приехавшему в Пущино после десяти лет работы в Иркутске: за его плечами было

множество градостроительных проектов городов и поселков Иркутской области, а также районов Иркутска [13]. Под его руководством началась разработка нового проекта детальной планировки с эскизом застройки Пушино.

Илл. 11. Проект детальной планировки Пушино, 1971 г.:

- а) Схема развития города [ПМ 3564 НВ];
- б) Эскиз застройки [Истомин С.А. Системное формирование функционально-планировочной структуры научного комплекса: дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. Т. 2. С. 6];
- в) Фрагмент эскиза застройки с высотным жилым комплексом [семейный архив Воронежских].

Строительство Пушино в начале 1970-х гг. подступало к горизонтам планирования прошлых лет. В научной зоне оставалось лишь две полноценные площадки под Институты — за ними почти вплотную к зеленой зоне подходила территория станции ФИАН. В 1965 г. ученые института провели исследования и выяснили, что крестообразный радиотелескоп особенно чувствителен к радиопомехам на севере от него [Обращение ФИАН к уполномоченному Президиума АН СССР по строительству К.Н. Чернопатову и директору ГИПРОНИИ АН СССР Б.А. Савельеву // Документ из семейного архива Воронежских]. В результате казавшаяся изначально неисчерпаемой линейную схему пространственно-функционального зонирования пришлось пересмотреть (Илл. 11а): полоса зеленой зоны делала изгиб по направлению к реке, и через возникающий излом город симметрично отражался таким образом, что жилая зона в его новой половине оказывалась расположена с южной стороны, а научная — на севере. Место излома города обретало значение его восточного подцентра, а в противовес начало зеленой зоны теперь превращалось в

западный. Оба подцентра были обозначены круглыми площадями, которые лучше считаются на макете застройки (Илл. 12).

а)

б)

Илл. 12. Макет застройки Пущино, начало 1970-х гг.:

а) (семейный архив Воронежских); б) [Платонов Ю.П. Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 1–2].

Расположенный у въезда в Пущино холм, который лучше всего просматривался со стороны Оки, архитекторы стремились застроить наиболее выразительным образом. Несмотря на значительный рост проектной территории города, микрорайон АБ с высотной доминантой у начала зеленой зоны все еще мыслился ключевым ансамблем в его застройке (Илл. 12). На месте 18-20-этажного дома-«трехлистника» возник сложный комплекс, составленный из трех Г-образных жилых корпусов с разновысокими «крыльями» — композиция из них была поставлена на стилобат с общественным центром высотой в несколько этажей (Илл. 11в, 12). О значении, которое придавали этому объекту архитекторы, говорит тот факт, что он как часть центра города был обозначен на схеме развития Пущино (Илл. 11а), где в остальном присутствуют лишь очертания функциональных зон и микрорайонов. Таким образом положение высотной доминанты закрепилось в числе самых важных и верхнеуровневых градостроительных решений наряду с общей структурой ленточной застройки города и осью главной площади с домом ученых — еще одним, хоть и не менявшим функции и положения, но многострадальным объектом, который так и не был реализован.

На разных фотографиях макета застройки, выполненного в соответствии с описанным проектом, можно наблюдать разное число элементов дома (Илл. 12), что может свидетельствовать как о корректировке замысла, так и о банальной потере их со временем.

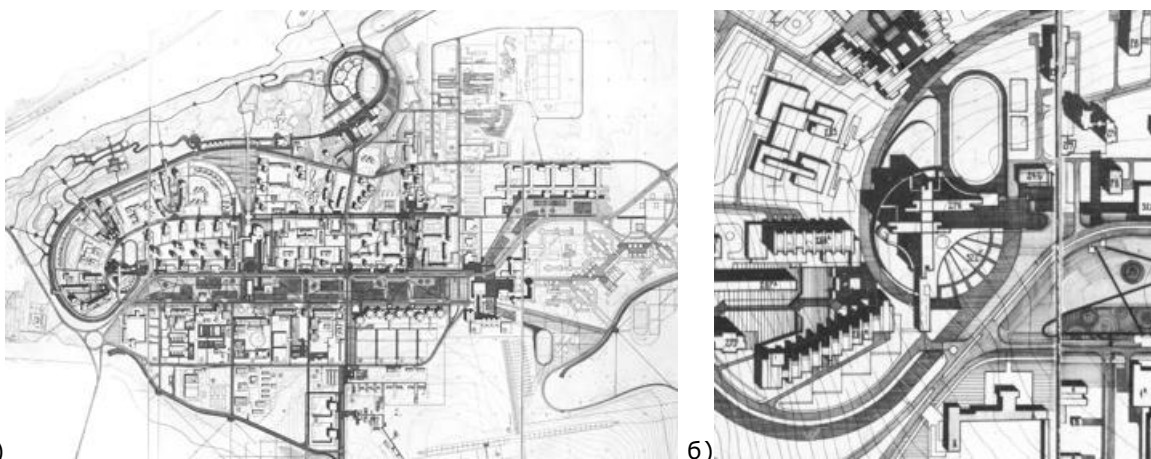
Если прежде городскую доминанту поддерживал ритм девятиэтажных домов вдоль проспекта Науки, то в новом проекте над ними возвышались второй и третий ряд башен в 14 и 16 этажей. Архитекторы таким образом стремились подчеркнуть природный рельеф застраиваемого участка, скрадывающийся при плотной монотонной застройке. Вот, как проект описывал его главный архитектор — В.С. Воронежский:

«В объемно-пространственном и художественном отношении проектом ставится задача создания образа кремля, венчающего высокий Пущинский холм. Этому способствует и необходимость учета природно-климатических данных /высота места, отсутствие леса,

сильные ветры зимой и в межсезонье/. Поэтому застройка жилой зоны запроектирована в виде уютных жилых групп, защищенных от ветра, но выходящих в сторону Оки и зоны отдыха широкими полосами — бульварами, обеспечивающих широту обзора высоких долей.

Застройка предполагается 3-4-9-этажная по бровке Окского склона и 14-16-этажная на вершине холма, где поставлен главный вертикальный акцент города 20-25-этажное здание для приезжающих ученых. Этот акцент символизирует въезд в город и влангирует улицу города — проспект Науки с эксплонадой зеленой зоны» [Описание проекта детальной планировки Пушино // Документ из семейного архива Воронежских].

Силуэт крепости в новом проекте действительно вырисовывался очень отчетливо: непрерывные стены из 9-этажных домов, обступающих периметр микрорайона по бровке холма, и 16-этажные башни в промежутках между ними создавали нужный образ. Устремленность советских архитекторов в поисках идей в прошлое — характерная тенденция для 1970–1980-х гг.. Пока она выражалась лишь таким весьма абстрактным образом, напрямую не влияя ни на архитектуру зданий, ни на общие подходы к организации городской среды, так что говорить о постмодернизме еще не приходится. В данном случае явно имело место обозначение символической связи с расположенным на противоположном берегу Оки в 10 км выше по течению Серпуховом, кремль которого был разобран в 1930-х гг. В то же время усадьба Пушино-на-Оке никакого градостроительного акцентирования не получила, оставшись в роли чего-то вроде архитектурного каприза в пейзажных парках конца XVIII в.

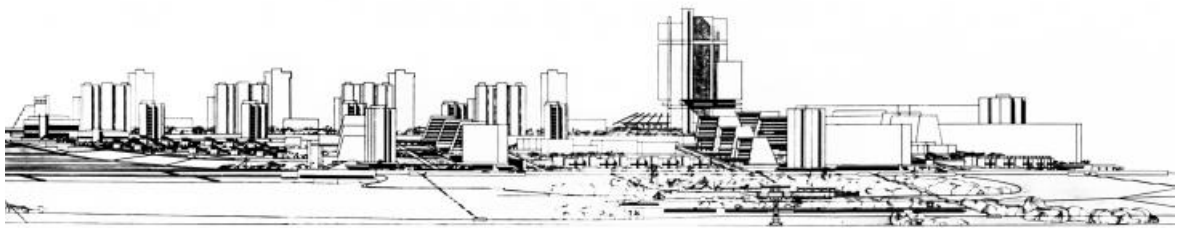
Илл. 13. Эскиз застройки к проекту детальной планировки Пушино, 1976 г. [семейный архив Воронежских]:

а) Фрагмент плана города; б) Фрагмент с 16-22-этажным панельным жилым домом с обслуживанием в 1-м этаже.

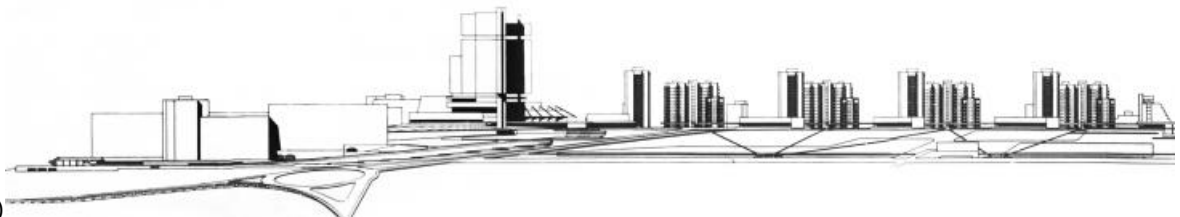
Спустя пять лет, в 1975–1976 гг. был выполнен новый проект детальной планировки города (Илл. 13). Фактически, работа над ним не останавливалась с момента завершения предыдущей версии. При проектировании в мастерской отдельных архитектурных объектов, они обязательно рассматривались в увязке с окружающей застройкой — архитекторы перебирали массу вариантов, чтобы найти лучшее решение, иногда противоречащее более ранним представлениям и меняющим их. Высотное ядро застройки микрорайона АБ в целом сохранило прежнюю структуру. Поменялись местами ряды 14- и 16-этажных жилых домов, стоявших раньше по возрастанию за 9-этажными вдоль проспекта Науки. Таким образом усиливался контраст в восприятии их высоты со стороны зеленой зоны и въезда в город, а силуэт холма со стороны реки наоборот становился более плавным.

От явного уподобления микрорайона крепости с закрытым стеной из домов периметром архитекторы ушли в сторону более взвешенного образного решения. Башни по периметру остались, но промежутки между ними по бровке холма теперь занимали блокированные 2-3-этажные дома. Основная же масса объемов была сосредоточена в радиальных направлениях, расходящихся от неизменного центра в виде высотного комплекса у начала проспекта Науки. Это, с одной стороны, также работало на акцентирование рельефа, а с другой — открывало дворы с выразительными фасадами каскадных домов окским далям. В выполненных В.С. Воронежским многочисленных эскизах планировки микрорайона АБ примечательна их непривычная на фоне «официальных» генпланов ориентация: север снизу. Архитектор много внимания уделял речному фасаду города, ключевую роль в формировании которого должна была сыграть застройка этой территории, поэтому такой переворот логичен.

а)

б)

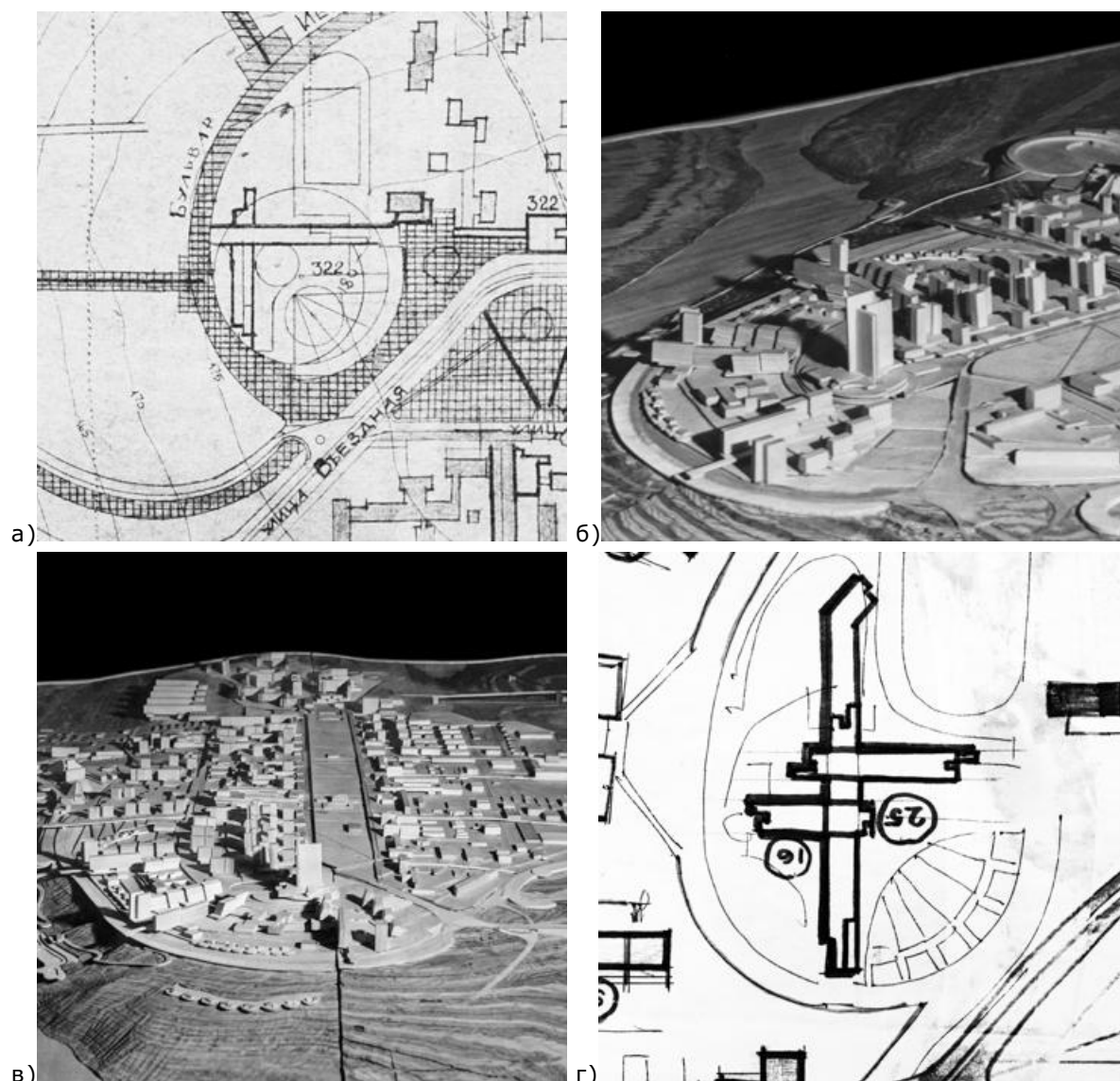
Илл. 14. Развертки фасадов к эскизу застройки Пущино, 1975 г. [семейный архив Воронежских].

Виды со стороны: а) р. Оки; б) проспекта Науки.

Главная высотная доминанта в очередном проекте получила новое решение: отказавшись от идеи организации круглых площадей у городских подцентров, архитекторы объединили две ранее соседствовавшие на плане фигуры и придали торговому стилобату жилого комплекса форму круга (Илл. 13). Сам комплекс теперь представлял из себя пересечение трех разновысоких пластин: самая длинная из них стояла перпендикулярно проспекту Науки, симметрично его оси; две другие со смещением к северу пересекали первую, асимметрично выступая на запад и на восток. В экспликации к эскизу застройки торговый стилобат обозначен как одноэтажный, а высота «крупнопанельного жилого дома» — 16-22 этажа. На деле же архитекторы явно намечали большее: на развертках фасадов со стороны Оки и проспекта Науки комплекс более чем вдвое превышает высоту 16-этажных башен, стоящих по соседству (Илл. 14). Стилобат здесь имеет высоту около семи этажей, а гигантские пластины жилого комплекса опираются не прямо на него, а стоят на колоннах, так что между ними образуется горизонтальный просвет. Таким же просветом архитекторы разделили огромные жилые пластины где-то на трех четвертях их высоты. Этот прием, при сохранении выразительности и монументальности образа, несколько облегчал грузный характер объемной композиции высотной доминанты, добавляя ей космической устремленности к небу.

На более ранних чертежах проекта детальной планировки, выполненных в 1975 г. (Илл.

15а), а также на фотографиях макета застройки города, который был создан тогда же (Илл. 15б-в), можно видеть некоторые вариации описанного образа: число ортогональных пластин меняется, они двигаются относительно друг друга, образуя в плане то простой прямой угол с равными сторонами, то сложные крестообразные схемы. Сейчас макет экспонируется в Пущинском музее экологии и краеведения, но от высотного комплекса остался только стилобат — некоторые элементы были утеряны. Также отличается от прочих и решение, изображенное на развертках, хотя те и не дают полного представления об объемной композиции, поскольку мы видим лишь две ее проекции. И все же до конца 1980-х гг. работа по регулярному переосмыслению отдельных архитектурных и общих градостроительных решений продолжалась при неизменном сохранении положения и общего образа ключевой доминанты, найденного в проектах первой половины 1970-х гг. (Илл. 15г).

Илл. 15. Высотный комплекс в проектах Пущино разных лет:

- а) Фрагмент проекта планировки Пущино, 1975 г. [семейный архив Воронежских];
 б-в) Макет к проекту застройки Пущино, 1975 г. [семейный архив Воронежских];
 г) Фрагмент чернового эскиза застройки микрорайона АБ в Пущино, 1980-е гг. [семейный архив Воронежских].

Из перспективного в «бумажное» проектирование

Возросший в 1970-х гг. темп строительства и «вольности», позволявшие пущинским архитекторам в процессе привязки и переработки типовых проектов, а также полностью

индивидуальное проектирование некоторых объектов, сулили неизменно растущему коллективу мастерской надежду на реализацию их смелых замыслов, хоть и отложенную на «перспективу». Однако в 1980-е гг. ситуация стала меняться. В 1980 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление^[ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 1. Д. 935. Л. 183-184], запрещающее в 1981–1985 гг. возведение административных и общественных зданий — теперь преодоление и без того сложной процедуры согласования проектирования и строительства объектов вроде дома ученых становилось практически невозможным. Но запрет был лишь констатацией общего для страны экономического упадка, который вскоре ударил и по жилищному строительству в Пущино: к середине 1980-х гг. реализация проектов сложных жилых комплексов в кирпиче, из которых почти целиком должен был состоять микрорайон АБ, встала на паузу. С тех пор в городе в основном строились панельные и крупноблочные дома, а редкие партии кирпича шли на пристройки к ним и самостоятельные здания, в которых размещались учреждения обслуживания.

Охранительские настроения советского общества 1980-х гг., выразившиеся в крупных городах в стремлении сберечь их историческое наследие, в молодом Пущино были нацелены на защиту природы ^[14]. Демиургические замыслы градостроителей, видевших благо для своего города в реализации заложенных в генплан ансамблей и дальнейшем росте за счет возникновения новых предприятий, начали вступать в противоречие с желаниями других жителей Пущино. Если проектировщикам свободные пространства виделись площадками для «откладывающейся» реализации их проектов, то для остальных пустующие в течение нескольких десятков лет поляны стали частью привычной среды, на месте которой не хотелось видеть грандиозных комплексов. Этот локальный конфликт между градостроителями и градозащитниками в несколько утрированной форме продемонстрирован в документальном фильме «Нужны ли городу бобры» (1983, реж. Г. Пчелякова, СССР). Но ситуацию нельзя назвать уникальной: в более глобальном ключе это противоречие описал еще в 1974 г. А. Лефевр, введя понятия "Representations of space" (представления о пространстве тех, кто принимает решения о том, каким оно будет, — в данном случае архитекторов) и "Representational space" (воспринимаемое жителями пространство) ^[15, p. 38-39]. Философ утверждал, что архитекторы часто видят пространство абстрактно и функционально, в то время как жители воспринимают его через свой личный и социальный опыт, что неизбежно влекло конфликты и недовольство на всем протяжении истории. Дж. Джейкобс в похожем, но более конкретном ключе в 1961 г. критиковала именно модернистские подходы — за утопичность их социальных идей и игнорирование реальных потребностей жителей ^[16, p. 374-375].

В 1984 г. благоустройство Пущино стало темой работы Центральной экспериментальной студии Союза художников СССР ^[17, с. 185]. Художники и архитекторы со всей страны на протяжении полутора месяцев изучали среду города и выполнили проектную программу ее развития ^[18, с. 200-209]. Деятельности «Сенежской студии» посвящен труд шведского исследователя Т. Куббина, в котором исследователь трактует подход студии как критический в отношении модернизма ^[19, p. 172-176]. Художественный руководитель проводившегося в Пущино семинара М.А. Коник сравнивал результат его работы с «веткой, "проросшей" из существующего генерального плана»: действительно, работа студии может быть интерпретирована как попытка деконструировать проект ГИПРОНИИ и надстроить новый смысловой слой в ткани города, выделив в нем его культурное и экологическое начала.

В отличие от поздней, но все же глубоко модернистских замыслов архитекторов ГИПРОНИИ, видевших Пушкино незавершенным проектом, в котором все несчастья жителей должны были отпасть с наступлением проектной «перспективы», в основе предложенной коллективом из 30 авторов программы «Пушино — артополис» был контекстуальный и во многом постмодернистский подход, каким его описывал Ч. Дженкс: это не только идеологическое противопоставление модернизму, но и стилистический эклектизм [\[20, с. 127\]](#). Проектные предложения заключались не в детализации или очередной корректировке генерального плана, а исходили из существующего положения города и настроений его жителей. То есть, возвращаясь к концепции А. Лефевра, работали именно с "Representational space".

Новый взгляд на замыслившие глаз местным архитекторам проблемы города дал плоды: к примеру, центральную площадь, а вернее поляну, вместо строительства на ней грандиозного комплекса дома ученых, было предложено оставить почти нетронутой, заглубив общественные постройки в землю. Вместо превращения микрорайона АБ в рассчитанный на абстрактного стороннего наблюдателя «кремль» участники семинара «Сенежской студии», как и архитекторы ГИПРОНИИ в начале 1960-х гг., выдвинули идею включения в систему городских пространств усадьбы Пушкино-на-Оке — она оказывалась на перекрестии экологической тропы, проложенной вдоль берега и маршрута, ведущего от главной площади к реке. В предложенной программе можно заметить и стремление к отказу от строгого зонирования городских пространств, которое еще в 1961 г. стало предметом критики Дж. Джейкобс [\[16, p. 115, 239\]](#). Рекреационная функция, по генплану отнесенная к берегу Оки, теперь была рассредоточена среди жилья и в зеленой зоне.

Закономерно и объяснимо теми же теориями [\[20, с. 132\]](#), что архитекторы пушинской мастерской ГИПРОНИИ, столкнувшись с радикально противоречащим их замыслам предложением, не торопились отказываться от своих взглядов. Будучи сотрудниками в прямом смысле научного института, они как никто олицетворяли философскую суть архитектуры модернизма как «тотального института»: хотя к 1980-м гг. архитекторы уже редко декларировали своей миссией формирование нового человека, но все же претендовали на исключительную монополию в определении окружающей его среды. В этом плане поведение градостроителей-модернистов можно объяснить, сравнив с взглядом Т. Куна на ученых: «...члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей» [\[21, с. 228\]](#). Поэтому советские архитекторы почти не воспринимали исходившую извне профессионального сообщества критику, которая, к тому же, ставила под сомнение их элитарную роль [\[20, с. 121\]](#). «...отказ от науки вообще... отражается... на ученом. Своими коллегами он неизбежно будет осужден как "плохой плотник, который в своих неудачах винит инструменты"» [\[21, с. 114\]](#). Постмодернизм в целом отвергал позитивизм, лежавший в основе работы ГИПРОНИИ и других советских проектных институтов. «Сенежская студия» функционировала в рамках Союза художников, и хотя в ее семинарах принимало участие большое число архитекторов, всерьез их предложения почти не рассматривались, поскольку они лежали вне «научного» поля. Разработка проектов Пушкино продолжилась в русле прежних идей.

Новый виток их творческих поисков пришелся уже на перестройку и начало 1990-х гг. — в это время архитекторы продолжали, с одной стороны, искать решения для «перспективных» территорий и объектов, а с другой — участвовали в поисках новых драйверов развития города, в котором жили и сами. К этому времени относятся творческие поиски В.С. Воронежского, который спустя полтора десятилетия после

утверждения эскиза застройки 1976 г. решил пересмотреть проект микрорайона АБ. В архиве его работ сохранилась масса калек с набросками как планировки западного подцентра, так и перспектив высотного комплекса в нем — анализ и осмысление этих материалов представляет из себя задачу для отдельного исследования. Но все же реальное положение дел в ту пору заставляло руководство Пушино и Академии наук говорить скорее не о развитии, а о сохранении города:

«...государственная политика в области финансирования науки сегодня такова, что фактически ведет к обнищанию и разрушению исторически сложившихся научных центров, в том числе и мирового уровня, подобных Пушинскому. В их создание в свое время были вложены огромные средства и усилия государства и Академии наук, здесь получили развитие современные научные направления, созданы широко известные научные школы. Ныне же в Пушинском научном центре сокращается финансирование научных исследований, падает уровень оплаты специалистов, молодые сотрудники уезжают за рубеж. Практически прекратилось обновление оборудования, поставка реактивов, поступление литературы, без чего научная работа невозможна. Недостаточное финансирование академических учреждений сказывается на всех сторонах жизни города: на занятости населения, социальных программах, строительстве, содержании жилья и городской инфраструктуры» [\[22, с. 4\]](#).

Темп стройки при этом не обеспечивал реализацию и пятой доли намеченного: в генплане середины 1970-х гг. архитекторы исходили из прогноза роста населения города к 1990 г. до 51 тыс. человек; в 1980 г. новый расчет дал более скромную оценку в 32 тыс. жителей, а проектная «перспектива» отдалась к 2000 г. В действительности, к 1990 г. Пушино не достигло даже 20 тыс., после чего рост практически остановился. Но даже так строительство сопутствующей жилью инфраструктуры отставало от нормативных показателей, так что все крупные сооружения общегородского масштаба, в число которых входили дом ученых, торговый центр, спортивное ядро со стадионом, а также высотный жилой дом со стилобатом на въезде, остались на бумаге.

Замыслы архитекторов против их воли перешли из категории реального в категорию «бумажного» проектирования. Осознать этот факт, будучи внутри процесса, было невозможно, ведь в умах градостроителей одна часть ансамбля была неотделима от другой. А развитие еще не остановилось, хоть и шло существенно медленнее намеченного, и выражалось в строительстве в основном лишь панельных жилых домов. Если работа архитекторов в том же ГИПРОНИИ, но в Москве, была сопряжена с периодической сменой объектов и локаций проектирования, то сотрудники пушинской мастерской № 9 оказались заложниками собственного проекта. Их творческие амбиции упирались в реалии времени, а любовь к городу как единственному творению не давала идти на компромиссы и вынуждала ждать лучших времен. Так, не желая «портить» недостроенный ансамбль микрорайона АБ панельными домами, архитекторы дали начало микрорайону Д, удаленному от прежней застройки [\[23\]](#). Но ни одна из масштабных творческих идей в 1980–1990-е гг. так и не была воплощена, естественным образом удовлетворив чаяния жителей, отстаивавших сохранение лугов и оврагов. По сей день поляна у въезда в город, предназначавшаяся в проектах с начала 1960-х гг. для размещения высотной доминанты, остается пустующей (Илл. 16), равно как и пространство, сберегавшееся архитекторами для строительства общегородского центра с домом ученых.

Илл. 16. Город Пущино. На переднем плане — поляна, предназначавшаяся для строительства высотного комплекса. 2021 г. [фото автора].

Заключение

В.С. Воронежский, анализируя историю градостроительного развития Пущино, отмечал, что при жесткости основных положений первого генплана 1956 г., в структуру города тогда была заложена очень большая степень свободы, так что даже спустя два десятилетия проектирование шло по пути развития его решений, а не «ломки» [Формирование и преобразование планировочной структуры города Пущино — тезисы // Машинописный документ из семейного архива Воронежских]. Преемственность сразу считается при взгляде на последовательность из генпланов города разных лет: в сохранении линейной структуры, развитии поперечной ей оси главной площади... Но рассмотрение истории кочевания из проекта в проект и попутной трансформации высотных доминант позволило увидеть преемственность на более приземленном уровне, где она совсем не столь ожидаема.

Кадровые перестановки в ГИПРОНИИ и передача на их фоне проектирования Пущино из одной мастерской в другую — процессы, оказывавшие прямое влияние на архитектуру городка. Происходившая ротация авторских коллективов, занимавшихся проектированием Пущино в первые два десятилетия, давала регулярный приток свежих идей, но не всегда приводила к принятию последовательных решений. С момента полного перевода всей работы в том числе над градостроительными проектами Пущино в местную мастерскую № 9 ГИПРОНИИ ротация прекратилась, работа стала более последовательной и в проектах уже не происходит столь резких смен концепций, как это было ранее. В то же время архитекторы продолжали улучшать и дорабатывать свои идеи, а также не боялись отказываться от некоторых из них, по какой-то причине утративших актуальность.

Начиная с самой первой схемы генплана Пущино, когда архитекторы были максимально ограничены в разнообразии типов и высотности зданий, они наделили ролью акцента водонапорную башню. В первые годы она, еще относительно небольшая, свободно

двигалась в проектируемом пространстве плоскостной малоэтажной застройки городка. В последующие месяцы и годы корректировались контуры кварталов и микрорайонов, расширялось разнообразие применяемых типовых проектов и появлялись возможности для индивидуального проектирования — высотная доминанта перемещалась в пространстве постоянно меняющегося утопического Пушино и видоизменялась сама: увеличивалась ее высота, трансформировались объемы и функции... Значение башни росло и окружающая застройка получала все большую увязку с ней. В середине 1960-х гг. превратившись в жилой дом, доминанта зафиксировалась у начала проспекта Науки на въезде в город. А в проектах 1970-х гг. дом превратился в многообъемный комплекс с развитым стилобатом и окончательно подчинил себе окружающую застройку: высотный акцент, по-прежнему выделяясь на фоне города, стал логичным продолжением его ступенчатого силуэта. И путь к этому решению последовательно прослеживается во всех предыдущих концепциях, несмотря на то, что архитектура водонапорных башен и жилых домов от проекта к проекту могла радикально меняться.

Хотя ни один из замыслов не был воплощен, каждый из них задумывался как акцент в виртуальном архитектурном ансамбле или "Representations of space" своей эпохи, и в этом смысле для каждой из них выражал понимание архитекторами предельно согласовываемых с надзорными инстанциями, а значит потенциально реализуемых в некоторой перспективе решений. Конечно, в действительности из первого никак не следовало второе, и с позиции дня сегодняшнего вера архитекторов может казаться наивной. Утопические замыслы архитекторов уже вступали в противоречие с желаниями жителей и их "Representational space". Хотя у этого, на первый взгляд, локального противостояния, были свои корни, особенности и нюансы, его оказалось довольно легко вписать в картину глобального кризиса модернизма, причины которого были описаны как теоретиками архитектуры Дж. Джекобс и Ч. Дженксом, так и философом А. Лефевром.

Таким образом, существующая застройка Пушино раскрывается и понимается гораздо лучше, будучи соотнесенной с проектами и идеями, оставшимися на бумаге, одной из ключевых среди которых была идея высотной доминанты. Перспективой для будущих исследований остается рассмотрение остальных пространств и зданий города, соотнесение его архитектуры с другими научными центрами АН СССР, проектировавшимися тем же ГИПРОНИИ, и в конечном счете формирование широкого и глубокого представления о процессе их создания, об их архитектуре.

Библиография

1. Доморацкий В.П. Проекты и люди эпохи созидания. Личные свидетельства // Научград. 2016. № 4. С. 28–39.
2. Литвиненко П. Высокая культура проектирования // TATLIN. 2019. 28 июня. URL: https://tatlin.ru/articles/vysokaya_kultura_proektirovaniya (дата обращения: 04.04.2023)
3. Милютин Н.А. Соцгород: Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М., Л., 1930.
4. Васильев Н. Массовая архитектура и ограничения // Проект Байкал. 2022. № 19 (73). С. 108–112. DOI: 10.51461/pb.73.20
5. Филиппов В.Д. Происхождение строчной застройки // Градостроительство и архитектура. 2020. Т. 10, № 2. С. 147–159. DOI: 10.17673/Vestnik.2020.02.20
6. Баталов Л.И. Научно-исследовательский институт строится по типовому проекту // Архитектура СССР. 1957. № 5. С. 29–30.
7. Броницкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И. Москва: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. 2-е изд., испр. М.: Музей

современного искусства «Гараж», 2019.

8. Горлов В.Н., Артемов С.Н. Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 79–97. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-1-79-97

9. Боков А.В. «Параллельная архитектура» оттепели и застоя: визионеры последнего советского тридцатилетия. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2024.

10. Лысая Д.А. Научограды России: история развития от научных поселений до инновационного центра «Сколково» // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. № 3(40). С. 178–199.

11. Ревзин Г.И. Научограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.

12. Антипин К.С. Интервью с Владимиром Банитом. проект байкал // Проект Байкал. 2020. № 17 (64). С. 98–101. DOI: 10.7480/projectbaikal.64.1641

13. Антипин К.С. Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. 2020. № 17 (64). С. 88–97. DOI: 10.7480/projectbaikal.64.1640

14. Варламова М.В. Исторический аспект развития ландшафтно-экологического каркаса города Пущино Московской области // Лесной вестник / Forestry Bulletin, 2019. Т. 23. № 3. С. 72–78. DOI: 10.18698/2542-1468-2019-3-72-78

15. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, UK: Blackwell, 1991.

16. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. Vintage Books, 1992.

17. Сенежская студия / Евгений Розенблюм, 1964–1991. Екатеринбург: TATLIN, 2019.

18. Коник М.А. Архив одной мастерской. Сенежские опыты. М., 2003.

19. Cubbin T. Soviet Critical Design: Senezh Studio and the Communist Surround. Bloomsbury Visual Arts, 2019.

20. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / перевод А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985.

21. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

22. Пущинский научный центр: программа развития. Материалы выездного заседания Президиума РАН // Вестник Российской академии наук. М., 1994. Т. 64, № 1. С. 4–20.

23. Литвиненко П. С краю. Микрорайон Д // Пущино. 2021. 19 января. URL: <https://naukograd.io/articles/9> (дата обращения: 25.05.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пущино 1950–1980-х годов», в которой проведено исследование динамики трансформации проектирования архитектурных объектов обособленного от существующих населенных пунктов научного городка.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что Пущино — первый спроектированный обособленно от существующих населенных пунктов научный городок АН СССР. С самого начала задуманный как город с заложенной в первую схему генплана 1956 года перспективой роста населения до десятков тысяч жителей, Пущино продолжал активно проектироваться на протяжении последующих десятилетий. Намеченные контуры микрорайонов в генпланах разных лет двигались и заполнялись

застройкой в духе изменявшихся тенденций и растущих возможностей архитектурно-строительной отрасли, а также в соответствии с творческими замыслами сменявших друг друга в процессе проектирования архитекторов.

Целью исследования является изучение динамики изменения проектирования города Пущино с позиции изменения среды и положения высотной доминанты.

Проведя анализ научной обоснованности изучаемой проблематики, автор отмечает, что история градостроительного проектирования Пущино до сих пор остается практически не изученной: в основном исследователи рассматривают существующую архитектуру города как плод реализации единовременного замысла, хоть и корректировавшегося с годами, так что не предпринимают попыток анализа динамики его планировочных проектов. Изучение данного вопроса и составило научную новизну исследования.

Практическую значимость представляет тот факт, что результаты проведенного исследования могут быть применены при рассмотрении других пространств города, соотнесении его архитектуры с другими научными центрами АН СССР, проектировавшимися тем же ГИПРОНИИ, и в конечном счете формировании широкого и глубокого представления о процессе проектирования города, о его архитектуре.

Методологической основой исследования явился комплексный подход, включающий общенаучные методы анализа и синтеза, исторический анализ и анализ проектной документации. Теоретической основой исследования явились труды Филиппова В.Д., Бокова А.В., Ревзина Г.И., Варламова М.В. и др. Эмпирическую базу составили имеющиеся образцы архитектуры Пущино, а также публикации и издания ГИПРОНИИ (Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов и лабораторий) АН СССР, материалы Центрального государственного архива Московской области, Архивов РАН и фонов Пущинского музея экологии и краеведения, а также личный архив пущинского архитектора В.С. Воронежского. Однако в статье не наблюдается философского или культурологического анализа, который должен иметь место в соответствии с направлением журнала «Философия и культура». Статья соответствует скорее архитектурному и градостроительному профилю, и автору, возможно, стоит перенаправить ее в другое издание.

В статье автором поэтапно рассмотрена степень реализации генерального плана 1956 года в строительстве научного городка Пущино (Московская область), изучены архивные чертежи и планы, проанализированы разработки архитекторов 1956, 1960-х, 1970-х годов. Автором отмечено изменение высотной доминанты: от водонапорной башни на въезде в город и малоэтажной застройки до череды высотных домов.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение особенностей проектирования отдельно стоящего вновь создаваемого города представляет несомненный научный теоретический и практический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 17 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Представляется, что автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании с учетом выполнения указанного замечания.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как образно и емко отразил автор в заголовке («Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пущино 1950–1980-х годов»), является совокупность нереализованных проектов высотных акцентов застройки Пущино 1950–1980-х гг. Соответственно, исторический процесс проектирования застройки Пущино представляет собой объект исследования («История градостроительного проектирования Пущино»). При этом выбранный автором аспект нереализованных планов вносит вклад в область истории идей и практическую философию проектирования будущего в плане осмысление места архитектурного и стратегического планирования градостроительства.

Автор выделяет несколько периодов хронологии творческого процесса градостроительного планирования Пущино, опираясь на одобренные высшими государственными органами планы застройки и структурные изменения в проектных организациях, повлекшие доработки и переработки архитектурных замыслов: 1955–1957 (Госстрой), 1960–1964 (Государственный Комитет по гражданскому строительству), вторая половина 1960-х гг., 1970–1976, 1977–1980, 1981–1990, — уточняет авторские персоналии архитектурных проектов и обращает внимание на изменение отношения архитекторов к высотным акцентам застройки, которые непосредственно происходили и отражались в проектной документации 1950–1980-х гг.

Анализ проектной документации в контексте развития общей социокультурной ситуации в СССР позволил автору аргументировать ряд оригинальных выводов. Не вызывает сомнений утверждение автора, что «хотя ни один из замыслов не был воплощен, каждый из них задумывался как акцент в виртуальном архитектурном ансамбле или "Representations of space" своей эпохи, и в этом смысле для каждой из них выражал понимание архитекторами предельно согласовываемых с надзорными инстанциями, а значит потенциально реализуемых в некоторой перспективе решений». Автор отмечает, что «в действительности из первого никак не следовало второе», и вполне естественно, учитывая непостоянство политической конъюнктуры и экономической ситуации, что утопические замыслы архитекторов уже на этапах, сопровождавших заселение и освоение частично реализованных планов, вступали в противоречие с желаниями и потребностями жителей. Автор вполне обосновано полагает, что на примере этого локального противостояния, помимо уникальных особенностей и нюансов, обнаруживаются и приметы глобального кризиса модернизма, причины которого были описаны теоретиками архитектуры (Дж. Джекобс, Ч. Дженксон) и философами (включая, в частности, А. Лефевра).

Таким образом предмет исследования рассмотрен автором на высоком теоретическом уровне, и статья заслуживает публикации в журнале «Философия и культура».

Методология исследования ориентирована на формальный и сравнительный анализ планировочных и архитектурных проектов с учетом хронологии творческого процесса и

его периодизации в общем историко-архитектурном и философско-теоретическом контексте исторической эпохи. Автор предпринимает систематизацию эмпирического материала (десятков версий генплана Пущино разных лет, публикации и издания ГИПРОНИИ (Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов и лабораторий) АН СССР, занимавшегося комплексным проектированием Пущино, документов Центрального государственного архива Московской области, Архива РАН и фондов Пущинского музея экологии и краеведения, документов личного (семейного) архива пущинского архитектора В.С. Воронежского. Анализ проектов вместе с изучением переписки руководства АН СССР с органами власти разных уровней, а также принимавшихся ими решений и постановлений, автору позволил установить датировки и персоналии авторов некоторых неатрибутированных проектов.

Актуальность выбранной темы поясняет тем, что история градостроительного проектирования Пущино до сих пор остается слабо изученной (в основном исследователи рассматривают существующую архитектуру города как плод реализации единовременного замысла, хоть и корректировавшегося с годами), что, как демонстрирует представленной исследования далеко не так.

Научная новизна, выраженная в экспликации в теоретический дискурс и детальном анализе автором существенного объема эмпирического материала, авторских обобщениях и выводах, не вызывает сомнений и заслуживает теоретического внимания. Стиль текста автором выдержан научный, встречаются лишь отдельные обидные описки, требующие корректировки текста («Работа над первым первым проектом Пущино...», «... прямые секционные дома и по-возможности минимизировать...», «... замыслы градостроителей, видевших благо для своего города...», «... архитекторов ГИПРОНИИ, видевших Пущино...», «... во всех предыдущих концепциях, несмотря на то, что архитектура...»).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография хорошо раскрывает предметную область.

Апелляция к оппонентам вполне корректна, хотя автор и не акцентирует внимания на острых теоретических дискуссиях.

Статья, безусловно, представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и после небольшой правки может быть рекомендована к публикации.